

А. Е. Зимбули¹

«СВОИ» И «ЧУЖИЕ»: НРАВСТВЕННО-ЦЕННОСТНЫЕ АСПЕКТЫ

Свой своему поневоле брат.

Русская пословица

Учениями различными и чуждыми не увлекайтесь.

Евр. 13: 9

Бей своих, чтобы чужие боялись.

Русская пословица

Противопоставление «свой–чужой», «мы–они», «родные–посторонние», «ближние–дальние», «друзья–враги», «наши–не-наши» — естественное порождение общественной жизни. И как все естественно возникающее, оно имеет свои множественные историко-культурные плюсы и минусы. Попробуем рассмотреть самым беглым образом во многообразии этого противопоставления, обращая внимание прежде всего на нравственно-ценностную его сторону. Прежде всего задумаемся о том, где подобная дихотомия выступает как нечто разрушающее культуру, душевно опустошающее, препятствующее гуманности и справедливости. Блат, кумовство, круговая порука, болельщицкие войны, религиозный или политический фанатизм, национализм, расовая или половая сегрегация, дедовщина в армии — все это, очевидно, явления контрпродуктивные как для общечеловеческой, так и для индивидуальной культуры. За явлениями подобного рода просматриваются животный эгоизм, дикость замкнутости и ригидности, групповая заносчивость, недоверие и злоба, — стало быть, данные явления нужно изживать, минимизировать. Тому порукой издавна укореняемые в разных этносах и этносах взаимоуважение, терпимость, толерантность, справедливость, отзывчивость, принципиальность.

Вместе с тем нельзя забывать, что дихотомия восприятия и отношений носит естественный характер, поскольку коренится в многообразии реального мира. Скажем, даже еда объективно бывает: *скудной и изобильной; эстетичной и неэстетичной; вкусной, безвкусной и невкусной; полезной, бесполезной, вредной; желанной и вынужденной.*

И неразличение особенностей еды вряд ли следовало бы признавать признаком высокой культуры. Помните, в одном из романов Кобо Абэ герой сообщал, каких трудов стоило ему приучить себя к тому, чтобы подбираемые среди отходов продукты употреблять в пищу, не обращая внимания на рассогласование их вида, запаха и вкуса. Вряд ли такую всеядность (буквальную!) стоит считать завоеванием культуры. То же следует сказать и о многих других областях жизни. Допустим, неужели тождественны неосведомленность и бытовое хамство? Надо ли одинаково воспринимать и оценивать чьи бы то ни было действия, отступаю-

щие от общепринятых по неопытности или творимые из упрямства?

Тому, что именуется в последние несколько лет толерантностью, требуется отыскать предельно точно прописанную сферу и рамки применения. Ведь культурное волевое неразличение допустимо прежде всего лишь применительно к индивидуально-вкусовому–невкусовому, привычному и непривычному. А вот уже эстетичное–неэстетичное может затрагивать интересы окружающих. С чего бы тогда в большинстве сообществ вырабатывались представления о внешнем виде, позах, жестах, оскорбительных для окружающих? Получается, что там, где оценка касается не только интересов отдельно взятой персоны, но и ее окружающих, терпимость–снисходительность–толерантность очень даже сомнительны. Вправе ли руководитель оркестра сквозь пальцы смотреть на дурную игру музыканта? Или может ли руководитель ансамбля внеоценочно относиться к тому, что кто-то опаздывает на репетиции? Ведь рядом с одним систематически опаздывающим в коллективе исполнителей могут множиться новые проявления нерадивости.

Итак, уже эстетичное–неэстетичное часто имеет надличностное значение, и толерантная неразличимость, проявляемая в данном ракурсе, рискует перерасти в проявление безнравственности, в неуважение к пусть не очень культурно продвинутому большинству. Согласитесь, содействовать эстетическому развитию желательнее не оплеухами–затрещинами–провокациями, а как-то более цивилизованно. И что тогда уж говорить про различие собственно этичного–неэтичного! В какой степени можно здесь проявлять сдержанность, терпимость, толерантность? Представляется, что проявлять их можно и даже нужно, но не давая им перерасти в попустительство злу, в нескритичность, вседозволенность.

Впрочем, здесь явно имеют место две возможности–крайности. Одна — то самое неразличение, попустительство, отказ от нравственных оценок: «И ты прав, и ты прав». «Не мне судить о тонких (субъективных, не допускающих доказательств) вопросах морали», «Даже Христос призывал: не судите, да не судимы будете». Первая крайность — в сущности отказ от утверждения высших ценностей культуры. Вместе с тем Христос и вправду это говорил². Но, насколько можно понять из контекста Нагорной проповеди, а также из дальнейших событий, связанных с земной жизнью Христа, он призывал вовсе не к отказу от нравственных оценок, а к отказу от оценок скоропалительных и однобоких. Вообще вопрос о том, какова логика нравствен-

¹ Профессор кафедры эстетики и этики Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор философских наук. Автор ряда публикаций, в т. ч.: «Ното Aesthetikus как предмет этических раздумий», «Нравственный мир: три пространства, три времени», «Целевые ценности в пространстве культуры», «Русское “авось”», «Парадоксы и алгоритмы нравственной оценки», «Факторы ненасилия», «Человек и природа: в поисках целостности и гармонии» и др.

² Мф. 7: 1.

ных оценок в рамках разных традиций христианства, в иных культурных традициях, — тема, заслуживающая отдельного рассмотрения. Сейчас продолжим задаваться вопросами попроще, чтобы подойти к рассмотрению второй из упомянутых крайностей. Допустим, как следует сквозь призму максимальной гуманности и толерантности воспринимать сюжеты, которые связаны с соблюдением армейской или производственной дисциплины в областях высоких технологий?

Очевидно, что там, где речь идет не об абсолютной импровизации, а о тех или иных рамочно предписываемых процессах, толерантность (снисходительность) попросту губительна! Рамки возможных отступлений от нормы в устной и письменной речи, в дорожном движении, в упомянутой музыке, медицине, образовании, сельскохозяйственном и промышленном предпринимательстве, в международных отношениях всегда чреваты рисками. Кроме того, было бы неразумно и даже противоестественно полагать, будто всепрощающая всепринимаящая толерантность способна что-то создать, кроме изначальной установки благодушия и добродетельности. Скорее в царстве абсолютной толерантности будет иметь место не позитивное культуротворчество, но равнодушие, «пофигизм», цинизм.

Когда во время недавнего экзамена по этике я мимоходом упомянул про жительницу Лондона, которая уже три года как официально состоит в браке со своей собакой¹, то студентка-собеседница презрительно проронила: «Ну что ж, совет да любовь!». В ее интонации я услышал приблизительно: «Туда им и дорога!»

От себя смело заявляю: это не наш образ жизни. И очень хотелось бы надеяться, что и впредь нашим не станет. Как бы это ни расходилось с планами тех, кто проталкивает идею равного достоинства так называемых «натуралов» и представителей ЛГБТ. Не знаю, кто как, а я не хотел бы даже рассуждать на тему о равном достоинстве человека средней воспитанности и того, кто, скажем, прилюдно ковыряет в носу. Различаемые «мы–они» в этой плоскости, убежден, имеют право на противопоставление и дистанцирование. Равно как и люди, различаемые по ведущим нравственно-психологическим параметрам: ответственные/безответственные, честные/нечестные, трудолюбивые/ленивые, отзывчивые/жестокие, справедливые/несправедливые, мужественные/трусливые, щедрые/жадные, благодарные/неблагодарные, скромные/заносчивые и т. п. И дело не в том, что сам отдельно взятый человек обязательно напрямую будет себя идентифицировать с праведниками, тружениками, героями. Тут достаточно даже того, от кого он дистанцируется. Уже это объективно — шаг по направлению к акту нравственно-ценностной самоидентификации.

Когда малыш-герой знаменитого стихотворения Маяковского обещает отцу: «Буду делать хорошо и не делать плохо!», фактически происходит акт нравственного выбора, самоопределения. Или, если хотите, нравственного самопрограммирования. Маленький че-

ловечек уже способен для себя решать, с кем ему хотелось бы дружить, общаться, на кого он желал бы быть похожим. Он выбирает нравственно-ценностное «мы». В то же самое время на кого-то он, напротив, не хотел бы быть похожим, не желал бы с ними общаться, даже не хотел бы, чтобы его с ними сравнивали. То есть уже в раннем возрасте дети обязательно проходят процедуру нравственно-ценностной самоидентификации с самоопределением в пространстве «мы–они», «свои–чужие». И эта процедура в решающей степени зависит от житейской опытности и/или этической грамотности их опекающих старших.

Есть все основания считать формирование способностей и мотивированных усилий включаться в данную процедуру одной из главных задач воспитания². Очень выразительно в свое время были продемонстрированы возможные результаты недостаточно окультуренной инструментальной противопоставления «мы–они» в кинофильме «Бакенбарды». Насколько помнится, там все начиналось со вполне благопристойной идеи уважения к наследию самого великого русского поэта. А потом вылилось в бесчинства, фанатизм, отупение тех, кто ратовал за высокие духовные ценности. Это и есть та самая вторая крайность, анонсированная в вышеприведенных рассуждениях. Крайность некультурного утверждения высших ценностей культуры.

Понятно, что образ жизни, правила, психологическое наполнение повседневного и праздничного общения вырабатываются не только историей, не только в процессе воспитания, но и нашими постоянно возобновляющимися усилиями. В связи с этим не мешало бы вдуматься в то, какие ценности стоят за принципом толерантности. Думается, что основная ценность, защищать и утверждать которую призвана толерантность, — это ценность субъекта. Свободного, суверенного, неповторимого, самодостаточного субъекта.

Даже если речь идет о субъекте групповом — допустим, о ценности субкультуры, представляющей иной этнос или иную религиозную конфессию, — толерантность предполагает некую атомарность. А вот когда мы попытаемся представить более сложные взаимоотношения — даже такой пример, как взаимоотношения оркестра и слушателей, — тут толерантности явно недостаточно. В адрес того, кого мы уважаем, мы можем адресовать критику, советы, иронию, обличение — много того, что спокойно-отстраненная или холодно-снисходительная толерантность совершенно не предполагает. Индивида, не способного определить для себя векторы нравственных ценностей, не умеющего различать должное–допустимое–недопустимое, нельзя назвать зрелым нравственным субъектом. Там же, где выбор вектора уже наметился, где самоидентификация «мы» состоялась, где происходит здоровый процесс нравственной социализации, на пороге нравственной зрелости обязательно возникает новая проблема. Проблема выстраивания отношений самоопределившегося субъекта с окружающими — с теми, кто разделяет, и с теми, кто не разделяет его

¹ Дословно переписываю записку из газеты: «А жительница Лондона Аманда Роджерс уже три года состоит в браке... со своей собакой. Причем псина — женского пола. На церемонии бракосочетания присутствовали 200 гостей» (Главное. События недели // АиФ. 2014. № 12).

² Воспитание способности различения как предупреждение экстремизма // Экстремизм как цивилизационный вызов : колл. моногр. / науч. ред. В. Ш. Сабиров. Новосибирск : НГАСУ (Сибстрин), 2012. С. 355–363.

ценностные предпочтения. Особенно проблематичны, пожалуй, отношения с «они». То есть возникает закономерный вопрос: когда уже произошла самоидентификация и соответственно растождествление со значительным множеством тех, кто не сподобился попасть в искомое «мы»? Именно на этой стадии можно попасть в ситуацию, которая выходит из-под нравственного, интеллектуального и волевого контроля¹.

Противопоставление «мы» и «они» происходит как в смысле, эмоциональном, так и в поведенческом ракурсах. И одно дело, если, условно говоря, человек коллекционирует марки или читает научную фантастику, не допуская мысли, что все, кто не интересуется подобными делами, — идиоты, скоты, толпа. Или если человек вступил в передовую политическую партию и занимается общественно полезными социальными проектами, но не включается в перебранки-драки с теми, кто посещает митинги других партий. Однако раньше или позже энергетика служения высшим личным и групповым ценностям «раскручивает маховик», и удержаться от резких оценочных суждений, высокомерия, замкнутости и враждебности в адрес «других» становится все труднее.

В связи с этим представляется, что необходимы совместные социально-психологические, этические, культурологические проекты, результаты которых могли бы методологически обрисовать возможности утверждения высших ценностей культуры, с одной стороны, без риска впасть в агрессию по отношению к общности «они», а с другой — без заболевания «чужебесием», когда все родное «мы» воспринимается как вместилище исторически устарелого, обветшавшего, вырождающегося. В подобных случаях самоидентификация оказывается не в радость, а в муку и стыд, пусть очень ча-

сто и порожденные неумением взвешенно оценить достоинства и недостатки своей культуры. По результатам исследований удалось бы не голословно призывать обычных людей к ответственности за отечественную и мировую культуру, и за сохранение целостности себя, семьи, страны, планетарных ценностей.

Прежде чем подвести краткие итоги, зададимся еще одним вопросом: можно ли полагать, что пословица «Гусь свинье не товарищ» не политкорректна, или она реально отражает целый разряд объективно складывающихся ситуаций, в которых реально противопоставляются разнокачественные субъектные характеристики, и в данном противопоставлении нет ничего обидного, вызывающего, унижительного? Ведь кто-то чемпион, а кто-то просто болельщик. Кто-то герой, а кто-то зритель на празднике, где героя чествуют лично или прославляют посмертно. Убежден, что в самом по себе различении обычного, рядового человека и героя, обычного человека и подонка нет ничего нравственно предосудительного. Напротив, именно на подобном противопоставлении зиждется возможность культуры к саморазвитию.

Про Хемингуэя рассказывают, что он утверждал: «Счастье — это крепкое здоровье и слабая память». Очень даже вероятно, что есть люди, которые так думают и даже готовы целенаправленно направлять усилия на реализацию подобной программы достижения счастья. Каждый человек свободен в выборе векторов и маршрутов жизненного пути. Даже такие, кто принципиально эгоистичен. И этика в союзе с другими гуманитарными науками призвана показать для всех людей возможности свободного, объективного, непредвзятого, самоопределения — без крайностей взаимонегатива и самоуничтожения.

¹ Об этом см., например, главу «Ситуация выходит из-под контроля» в книге Ф. Зимбардо «Эффект Люцифера» (С. 171–214).